

Прокофьев
Сергей
Сергеевич

Рос. муз. газет. - 2003 - №5 (май) - с. 6

(195).05.03
(май)

ПРОКОФЬЕВСКИЙ ГОД ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Прокофьевская конференция, прошедшая в Москве 17 - 18 апреля, объединила музыковедов трех основных научных учреждений столицы: Музея музыкальной культуры имени М.И. Глинки, Московской консерватории, Государственного института искусствознания. Заседания проходили в Музее, который и выступил главным организатором конференции. Конечно, это наложило отпечаток на ее характер: основное внимание было уделено не эстетической или теоретической, а исторической и биографической проблематике; часто речь шла о малоизвестных или вообще неопубликованных документах композитора. Обстановка на заседаниях была далека от формальной строгости: докладчикам задавалось немало вопросов, с ними вступали в дискуссию. Широко использовались аудио- и видеозаписи. К сожалению, Музей не смог пригласить участников из других городов или из-за рубежа. Но все же из Петербурга приехала профессор Л.Г. Данько, которая рассказала о своей новой книге "Театр Прокофьева в Петербурге" и подарила Музею сигнальный экземпляр из-

дания. Доклады трех ученых, живущих за рубежом (Елены Польдяевой, Андреаса Вермейера и Игоря Вишневецкого), также были прочитаны и заслушаны с большим вниманием. Не буду перечислять докладчиков и их темы (некоторые материалы конференции будут опубликованы в июньском "Музейном листке"), зато воспользуюсь возможностью сравнить две прокофьевские конференции: зарубежную, прошедшую в Манчестере ("PMG" уже писала о ней) и московскую. При том, что большая группа докладчиков на конференциях совпадала, по характеру эти события оказались различными. Московская конференция носила и более камерный, и более углубленный характер. Докладчики стремились рассматривать отдельные события творческой и личной биографии Прокофьева в контексте истории своей страны. Очень много внимания уделялось жизненным и художественным связям композитора. Ряд сообщений носил чисто "музейный" характер: например, о прокофьевских материалах в фондах музея Большого театра, о ма-

териалах композитора в фонде М.В. Юдиной в Российской государственной библиотеке, о новых приобретениях Музея имени Глинки в области сценографии опер и балетов композитора. Безусловно, сильное влияние на ряд докладов оказало знакомство с только что опубликованными Дневниками композитора: это касалось, разумеется, тех участников, кто сумел познакомиться с Дневниками. Нельзя утверждать, что в каком-либо из докладов или в их совокупности было предложено принципиально новое осмысление наследия Прокофьева, вообще трудно выделить какое-либо сообщение как "самое главное", "сенсационное". Очевидно другое: многие осознали недостаточность своих знаний о Прокофьеве - человеке и композиторе, возникла потребность "переслушивания" и "пересматривания" всего, что было известно до сих пор. Можно сказать и иначе: возникает "новая актуальность" творчества Прокофьева в России. Собственно, об этом шла речь и в открывшем конференцию сообщении Марка Арановского.

Если говорить о личных впечатлениях, то особенно запомнились скорее отдельные яркие факты. Например: Елена Долинская "докопалась" до любопытной анкеты, заполненной Прокофьевым при зачислении его на службу в Московскую консерваторию; Светлана Мартынова обнародовала интересную переписку композитора с дирекцией Камерного театра; Карина Баласанян с опорой на документы рассказала об отношениях с Прокофьевым ее отца - композитора Сергея Баласаняна, в ту пору заместителя председателя Радиокomiteта. Всеобщее внимание вызвал текст Игоря Вишневецкого, посвященный последней встрече Прокофьева с Владимиром Дукельским в Нью-Йорке в 1938 году. С таким же вниманием был выслушан доклад Наталии Савкиной "О религии Прокофьева": его проблематика для многих оказалась незнакомой. Светлана Петухова сделала любопытное сообщение о необходимости восстановления и издания первоначальной редакции партитуры "Ромео и Джульетты". Этот перечень можно и продолжить. Полагаю, что со временем материалы конференции будут изданы Му-

зеум, который осуществляет сейчас большую "прокофьевскую программу". Уже близок к печати второй Прокофьевский альманах, состоящий исключительно из публикаций документов, преимущественно мемуаристики. Прояснилась общая концепция Дома Прокофьева на Камергерском: его экспозиция будет посвящена в основном последним полутора десятилетиям жизни композитора. Парадоксальным, но вполне понятным образом именно поздний период жизни композитора остается пока наименее изученным, наименее документированным: сначала этому мешали цензурные запреты, а потом бурные события российской истории, благодаря которым основные интересы отечественного музыковедения в 1990-е годы переместились в другие области. То, что на московской конференции едва ли не большинство докладов было связано с "советским" периодом, рассмотренным по-новому, не так, как это происходило в книгах, вышедших 20 - 30 лет назад, - хороший знак.

Марина Рахманова